

ЭКСПЕРТНЫЙ ВЗГЛЯД

Июль 2025 г.

Резюме

- **ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ОСЛАБЛЕНИЕ НАЦБАНКА И ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ЦЕНОВОЙ И МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ**

Нацбанк в Беларуси фактически утрачивает статус автономного органа и все в большей степени подчиняется текущим интересам исполнительной власти. Однако сдвиг фокуса монетарной политики от ценовой стабильности к административной поддержке роста ВВП усиливает перегрев экономики, ослабляет институциональные основы развития и повышает уязвимость перед внешними шоками.

- **СИГНАЛЫ ТОРМОЖЕНИЯ: ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ**

После двух лет стремительного экономического роста в России он резко замедлился – во многом из-за жесткой политики Центробанка. Хотя спад будет продолжаться, наступления полноценной рецессии, скорее всего, не произойдет. В то же время даже если регулятор перейдет к смягчению монетарной политики, это придаст экономике импульс в лучшем случае к концу этого года, но более вероятно уже в 2026-м.

- **НЕВИДИМАЯ РАБОТА: ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЦЕННОСТЬ ДОМАШНЕГО ТРУДА И ПЕРЕКОСЫ В ЕГО РАСПРЕДЕЛЕНИИ**

Домашний труд — масштабная и системно недооцененная часть экономической жизни. Несмотря на то что ежедневно на него тратится по несколько часов, он не отражается в статистике, не оплачивается и не учитывается при формировании трудового стажа. С учетом того, что по большей части им занимаются женщины, такая невидимость искажает картину экономической активности, усиливает уязвимости на рынке труда и приводит к потере человеческого капитала.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ОСЛАБЛЕНИЕ НАЦБАНКА И ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ЦЕНОВОЙ И МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

Роль независимости центрального банка для долгосрочного экономического роста

Развитие мировой экономики становится все более неопределенным. Уверенность в ее устойчивом росте снизилась на фоне политических и экономических противоречий между крупнейшими государствами, а волатильность на глобальных финансовых и товарных рынках повысилась. Для Беларуси глобальные вызовы накладываются на региональные и внутренние риски, связанные с чрезвычайно высокой зависимостью от России и накопленными искажениями в национальной экономике. В складывающихся условиях в ближайшие годы на первый план выходят не столько институты развития, способствующие долгосрочному экономическому росту на основе инноваций, сколько институты стабилизации, призванные обеспечивать устойчивость экономики к шокам.

Значимость институтов стабилизации для долгосрочного повышения благосостояния граждан хорошо прослеживается при взгляде на рост ВВП на душу населения в Беларуси и в соседних странах ЕС за последние десять лет. Так, среднегодовой прирост составил 0,9% в Беларуси, 2,9% в Латвии, 3,3% в Литве и 4,0% в Польше. Отставание Беларуси от соседей в средних темпах роста весьма значительное – 2,0 п.п. от Латвии, 2,4 п.п. от Литвы и 3,1 п.п. от Польши. Однако, если во всех странах убрать из расчета годы, в которых ВВП на душу населения сокращался (и 2020 год – период острой фазы пандемии), то отставание Беларуси уменьшится более чем в два раза: до 0,2 п.п. от Латвии, 1,0 п.п. от Литвы и 1,4 п.п. от Польши. Это указывает на то, что обеспечение макроэкономической стабильности является хоть и недостаточным, но необходимым условием для долгосрочного экономического роста. Под макростабильностью здесь понимается недопущение значительных отклонений (в любую сторону) ВВП от своего сбалансированного уровня, поддержание низкой и предсказуемой инфляции (это и есть ценовая стабильность), а также такое состояние текущего счета платежного баланса, которое близко к его «норме» для страны.

Базовой предпосылкой для обеспечения макроэкономической стабильности является независимость центрального банка, то есть его способность самостоятельно, без прямого воздействия исполнительной власти, устанавливать цели деятельности, в том числе монетарной политики, и свободно использовать необходимые инструменты для достижения этих целей. Независимость центрального банка способствует повышению уверенности экономических агентов в устойчивости экономики, что обеспечивает

предсказуемую среду для инвестиционного планирования, прогнозирования и принятия управленческих решений. И, наоборот, воздействие исполнительной власти на решения центрального банка приводит к усилению макроэкономической волатильности, которое сопровождается колебаниями цен, валютных курсов, доходностей облигаций и премии за риск.

Нацбанк Беларуси все больше зависит от исполнительной власти и отказывается от стабилизационной монетарной политики

Нацбанк Беларуси никогда не был в полной мере независимым органом госуправления. При принятии решений в области монетарной политики, финансовой стабильности Нацбанк всегда оглядывался на правительство и Администрацию президента. С 2020 года степень свободы маневра Нацбанка сузилась донельзя. Тем не менее, толика этой свободы сохранялась. И предыдущее высшее руководство Нацбанка использовало ее для того, чтобы в силу своих возможностей противодействовать как сильному спаду выпуска в 2022 году, так и сильному перегреву с осени 2023-го по начало 2025 год.

После перестановок в руководстве Нацбанка весной этого года, его положение де-юре пока не изменилось. Формально Нацбанк является независимым от правительства. Однако де-факто заявления руководства Нацбанка и его действия в последние месяцы сигнализируют о том, что тот имеющийся узкий коридор маневренности Нацбанк будет задействовать не для стабилизационных мер, а для содействия выполнению ключевого для правительства целевого индикатора – роста ВВП.

Денежно-кредитная политика Нацбанка трансформируется в сторону большей мягкости (или резистентности к ужесточению), большей толерантности к инфляционным рискам и угрозе сильного перегрева экономики. Кредитная поддержка экономики за счет стимулирования инвестиционного кредитования организаций становится приоритетом монетарной политики. При этом директивные установки для банков в части объемов, направлений и стоимости кредитования начинают доминировать над рыночными инструментами. Обеспечение ценовой стабильности отодвигается на задний план, становится вторичной задачей для Нацбанка. А возможно даже перестает играть сколь-нибудь значимую роль при принятии решений в области монетарной политики и отдается на откуп Минэкономики и МАРТ.

Какие действия Нацбанка указывают на смещение фокуса монетарной политики на кредитную поддержку экономики?

Первое, непосредственные заявления нового руководства Нацбанка. Они пронизаны посылом необходимости интенсификации долгосрочного кредитования предприятий в целях поддержки экономического роста. При этом темы инфляции, сбалансированности экономики, рисков для ценовой стабильности в этих комментариях практически отсутствуют. Даже пресс-релиз, обосновывающий июньское решение

Нацбанка о повышении ставки рефинансирования, насквозь пронизан логическими противоречиями, а инфляция, которая является основной целью деятельности Нацбанка, упоминается мельком.

Второе, само решение Нацбанка повысить ставку рефинансирования на 0,25 п.п., в то время как инфляция с начала года выросла почти на 2 п.п. и примерно на столько же превышает целевое значение. В сложившихся условиях такое “символическое” увеличение ставки рефинансирования не противодействует реальному смягчению денежно-кредитной политики. Важно также то, что Нацбанк не повысил ставку по депозитам овернайт. А это означает, что при сохранении текущей практики проведения исключительно аукционов поддержки ликвидности банков (даже при значительном избытке ликвидности в банковской системе) ставка межбанковского рынка будет оставаться низкой (вблизи 4–6%), если не реализуются мощные шоки, которые приведут к кризису ликвидности в банковской системе. В итоге трансмиссия увеличения ставки рефинансирования в ставки по кредитам и вкладам будет слабой.

Третье, действия Нацбанка по изменению расчетных величин стандартного риска. РВСР – это пруденциальные инструменты, которые изначально задумывались как ограничители принятия банками на себя избыточных рисков при кредитовании. Но примерно с 2021 года они стали использоваться для прямого воздействия на процентные ставки по кредитам. С конца 2023 года до марта 2025-го Нацбанк медленно и весьма сдержанно, но повышал РВСР для уменьшения монетарного стимула. И текущие условия экономики – ее максимальный с середины 2014 года перегрев, превышающая цель и увеличивающаяся инфляция, значительный дефицит внешней торговли – требовали дальнейшего ужесточения денежно-кредитной политики. Но Нацбанк в апреле-мае на него не пошел, а в июне принял весьма “оригинальное” решение - повысил РВСР для депозитов и кредитов населению, а также по кредитам фирмам на срок до 3 лет, но снизил (как и в мае) для кредитов фирмам на срок свыше 3 лет. Разнонаправленное изменение расчетных величин стандартного риска подтверждает фокус Нацбанка на стимулировании инвестиций. Однако такие действия могут иметь дестимулирующие воздействие на банки в части увеличения предложения кредитов на срок свыше 3 лет. Так как на них приходится только порядка 5% выдач кредитов организациям, а за счет кредитных ресурсов в целом финансируется немногим более 10% капвложений, то совокупный эффект принятых решений Нацбанка на инвестиционный спрос ожидается скорее нейтральным или несколько сдерживающим.

Четвертое, Нацбанк перестал публиковать оценки разрыва выпуска. Разрыв выпуска показывает отклонение ВВП от своего сбалансированного уровня. Если это отклонение значимо положительное, то в экономике наблюдается перегрев и избыточный

спрос. Если значимо отрицательное, экономика находится в состоянии слабого спроса. По предыдущим оценкам Нацбанка, во второй половине 2023 года разрыв выпуска вышел в положительную область и к концу 2024 года немного превысил 2%. В своем крайнем майском инфляционном обзоре Нацбанк прервал семилетний период публикации разрыва выпуска, вероятно, устраняя из публичного поля проблему несоответствия политики кредитной поддержки экономики ее сильному перегреву.

Какие последствия для ценовой и макроэкономической стабильности будет иметь отход Нацбанка от стабилизационной монетарной политики?

Нежелание Нацбанка придавать монетарной политике умеренную жесткость означает, что денежно-кредитные условия не будут способствовать нейтрализации накопленных дисбалансов. Экономика Беларуси, при отсутствии сильных внешних шоков, продолжит функционировать в состоянии перегретого избыточного внутреннего спроса. Это будет сопровождаться повышением инфляции, которая к концу текущего года – в начале следующего может протестировать двузначный уровень, сохранением дефицита внешней торговли, умеренным ослаблением белорусского рубля. Рост ВВП в силу ограниченности трудовых и капитальных ресурсов будет замедляться, а вслед за ним замедлится и рост заработных плат.

Ни Нацбанк, ни банки за счет директивного расширения кредитования инвестиционных проектов (либо за счет избыточного снижения процентных ставок по кредитам) не обеспечат повышения экономического роста в долгосрочной перспективе. Это может создать иллюзию роста: его временное (возможно и довольно продолжительное) поддержание повышенным относительно сбалансированных темпов за счет нерационального использования ресурсов и перегрева экономики.

Но доступность кредита не влияет на фундаментальные детерминанты роста – институты и ценности. Тем более, что при поддержании ценовой стабильности независимым центральным банком кредиты как раз и будут доступными без всяких «костылей»: при устойчивой инфляции вблизи 5% ставки по ним не будут превышать 10%. А вот стабилизационные институты проциклическая монетарная политика ослабляет, что делает более вероятным сильные и продолжительные экономические спады после кажущихся устойчивыми периодов благополучия. Отказ Нацбанка от стабилизационной политики делает экономику Беларуси гораздо более уязвимой для внешних шоков. Примерами таких шоков являются резкое и значительное сокращение спроса в России, стремительное замедление мировой экономики, масштабное и скоординированное ужесточение санкционного режима в отношении Беларуси и России со стороны США и ЕС.

Еще больше усложняет ситуацию накопленный вследствие продолжительного применения тотального ценового контроля инфляционный навес. Ситуация с ценовым контролем – это цугцванг. Как его ослабление, так и ужесточение либо сохранение будут вести к осложнениям. В первом случае инфляция может подняться выше 10%, а в остальных растет угроза для финансового положения фирм. Повышение резистентности Нацбанка к ужесточению денежно-кредитной политики в таких условиях только подливает масла в огонь. Непредсказуемая и противоречивая монетарная политика может вести к повышению уровня и инерционности инфляционных ожиданий, усложнению инвестиционного планирования и прогнозирования, что порождает риски снижения эффективности денежно-кредитного регулирования.

Реализация отмеченных или других сильных шоков может стать триггером рецессии в экономике Беларуси, сопряженной с прорывом ценового давления. Пока вероятность сценария «жесткой посадки» субъективно оценивается ниже сценария медленного «затухания» экономического роста. Тем более, что у властей имеются достаточные резервы для маскировки перекосов в экономике довольно продолжительное время при благоприятной внешней среде и некоторый период при ее ухудшении. Но шансы неблагоприятного развития событий повысились в среде переориентации Нацбанка с поддержания макроэкономической стабильности на стимулирование роста. И они будут дальше расти, если курс внутренней экономической политики не будет корректироваться в сторону борьбы с накопленными дисбалансами.

СИГНАЛЫ ТОРМОЖЕНИЯ: ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Жесткая монетарная политика привела к замедлению экономического роста

Белорусская экономика в последние годы все более тесно привязалась к российской. В период усиления санкционного давления и ухода из России западных игроков это сыграло на руку белорусским производителям. Теперь же, когда рост российской экономики начал тормозить, это неизбежно сказывается на ближайшем партнере. В связи с этим важно понимать перспективы в соседней стране.

В 2023-2024 годах российская экономика переживала бум – рост ВВП превышал 4% годовых. Это была нетипичная для России ситуация: таких темпов развития не было на протяжении долгого времени. Более того, экономика переживала фактически стагнацию: на протяжении десяти лет до начала войны рост составлял в среднем около 1% в год.

После 2022-го в связи с ростом военных расходов, «гонкой зарплат», а также импортозамещением, этот тренд сломался – и на протяжении двух лет мы наблюдали экономический бум.

С начала этого года стало очевидным резкое замедление роста. Его главной причиной я вижу очень жесткую денежную политику российского Центробанка. Регулятор оперативно вмешался в ситуацию после резкого скачка цен весной 2022 года, после чего поэтапно снизил ее. Но во второй половине 2023 года начался новый цикл повышений – вплоть до рекордных 21%, которые мы наблюдали с октября 2024 по июнь 2025 года. Это делалось для снижения уровня инфляции, цель по которой у регулятора – 4% годовых. Тем не менее даже с поправкой на инфляцию такая ставка все равно была очень высокой – 10-11% в реальном выражении.

Закручивание гаек или ужесточение денежно-кредитной политики дает результат в плане замедления инфляции с некоторым временным разрывом. Однако к началу 2025 года многие компании потеряли возможность брать кредиты под небывало высокие ставки. То же относится к автомобильным кредитам, ипотеке и потребительскому кредитованию. Прирост кредитов, по данным на 1 июня, в реальном секторе экономики за год составил 10,9% в номинальном выражении. С поправкой на инфляцию это практически ноль, то есть он фактически остановился. Особенно просела динамика кредитов домохозяйствам – в этом случае рост в номинальном выражении был на 2,6%, в реальном, соответственно, он упал примерно на 7%. С кредитами предприятиям был рост даже в реальном выражении. Однако во многом это связано с активным кредитованием предприятий ВПК на льготных условиях.

Иными словами, жесткие монетарные условия привели к резкому сжатию кредитов и создали стимулы для того, чтобы деньги не тратить, а сберегать. Это подрывает потребление домохозяйств, особенно в части покупки недвижимости и товаров длительного пользования. В совокупности с недоступностью кредитов для большей части бизнеса это привело к замедлению экономического роста.

По данным за 1 квартал 2025 года, рост ВВП был на 1,4% в годовом выражении.

Скромные шаги Центробанка по смягчению монетарной политики

Позиция властей насчет перспектив экономического спада расходится. Министр экономического развития РФ Максим Решетников предупреждал о рисках перехода в рецессию. Однако глава Центробанка Эльвира Набиуллина и министр финансов Антон Силуанов видят в этом плановое охлаждение экономики.

Скорее всего, своей позицией Решетников пытается надавить на Центробанк в части ослабления ключевой ставки, чтобы придать стимулы для экономического роста. Вряд ли стремление затормозить инфляцию до 4% любой ценой оправдано. История знает много примеров, когда инфляция в развивающихся экономиках в 8-10% на протяжении длительного периода не была проблемой.

Вероятно, решения Центробанка оказались чрезмерно жесткими, и Набиуллина это, я думаю, понимает. Сейчас она оказалась под давлением не только со стороны Минэкономики, но и со стороны банков, которые заинтересованы в развороте динамики. И 6 июня ставку снизили на символический 1 процентный пункт. Однако такой шаг видится, скорее, как сигнал к тому, что регулятор продолжит это движение, чем действительно действенная мера. Практического влияния на экономику это решение вряд ли оказало. Ведь в реальном выражении ставка не снизилась, так как инфляция в последнее время тоже замедлилась. Чтобы действия регулятора помогли экономике, ставка должна опускаться быстрее инфляции.

Что же касается цен, то, по оценке Центробанка, уже в апреле скорректированная на сезонность аннуализированная инфляция была около 6%, а по итогам мая – около 5%. Это сильный аргумент для дальнейшего снижения ключевой ставки.

Затухание роста неизбежно, но вряд ли стоит ждать рецессии

Несмотря на опасения экономических властей, думаю, что рецессии в ближайшее время не случится. Данных по ВВП за второй квартал еще нет. Но косвенные тренды указывают на некоторую стабилизацию. Так, апрельский индекс выпуска по базовым секторам экономики показывает, что рост был уже не 1,4%, а 1,9%. Значит, в среднем с начала года мы имеем около 1,6%.

Тем не менее низкий экономический рост сохранится. Картина во второй половине года будет зависеть прежде всего от денежно-кредитной политики. То есть насколько будут уменьшать ключевую ставку. С другой стороны, даже ее существенное снижение – скажем, до 17% – не даст моментального эффекта. Как правило, интервал между смягчением денежно-кредитной политики и его эффектом на экономику более длительный, чем в случае ужесточения.

Стоит отметить, что, помимо денежной политики, есть и другие объективные факторы замедления экономического роста. Существенный рост военных расходов, который мы наблюдали на протяжении последних лет, достиг, скорее всего, потолка. Как подтвердил Владимир Путин, далее планируется их снижать – при том, что роста расходов по другим статьям также, насколько я понимаю, не планируется. Следовательно, со стороны бюджетной политики также не будет дополнительного импульса для роста экономики.

Плюс такой фактор, как импортозамещение, тоже упирается в естественные границы. Все, что было можно, уже, по большому счету, заместили. Соответственно, потенциал этого роста также исчерпан.

Таким образом, замедление экономического роста происходило бы естественным образом, однако действия Центробанка сделали его более резким.

Даже в случае смягчения монетарной политики – если оно произойдет и будет достаточно ощутимым – существенный импульс для экономики можно ожидать в лучшем случае к концу этого года, но более вероятно уже в 2026-м.

Влияние замедления роста на рынок труда

Уровень безработицы в России достиг минимального уровня с начала 1990-х. По данным на май, она была 2,2%. Вместе с этим продолжает ощущаться повсеместный дефицит кадров, причем не только среди квалифицированных специалистов. В результате «гонки зарплат» доходы стремительно росли у многих слоев населения, особенно у представителей рабочих профессий. Стоит отметить, что немалую роль в этом сыграли выплаты военным и их семьям, особенно в депрессивных регионах.

Однако охлаждение экономики будет влиять на рынок труда, а также на рост зарплат, который замедляется уже сейчас. Если в прошлом году он был порядка 9% в реальном выражении, то по итогам января – апреля – 3,8%. Это будет влиять на динамику частного потребления.

Внешняя торговля

Внешняя торговля, которая и без того в последние два года не была драйвером роста, также не демонстрирует роста. Отчасти это связано с санкциями –

далеко не все потоки экспорта можно перенаправить другим странам. Это касается в первую очередь газа и угля.

В последние месяцы ситуация усугубляется падением цен на нефть. В частности, апрельское объявление Дональда Трампа о введении импортных пошлин было шоком для мировых финансовых рынков, в том числе и для РФ. Это повлияло на прогнозы спроса на энергоносители – и цены резко пошли вниз. Плюс к этому политика ОПЕК+ на протяжении последних двух месяцев заключалась в том, чтобы повышать производство нефти, несмотря на снижение цен. Последние к тому же остаются нестабильными в связи с военным конфликтом между Израилем и Ираном. Продлится перемирие или будет новый виток войны – это непременно будет сказываться на ценах на нефть.

В совокупности падение цен на нефть и в целом экспорта энергоносителей вкупе с высоким обменным курсом российского рубля создает трудности для наполнения бюджета. Полагаю, смягчение денежной политики повлечет некоторое ослабление курса рубля, так как приведет к некоторому перераспределению накоплений в иностранную валюту.

С другой стороны, затухание экономического роста приведет к небольшому падению импорта по итогам года. Однако сокращение экспорта все равно будет более ощутимым – оно ожидается на уровне 6-7%.

НЕВИДИМАЯ РАБОТА: ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЦЕННОСТЬ ДОМАШНЕГО ТРУДА И ПЕРЕКОСЫ В ЕГО РАСПРЕДЕЛЕНИИ

Домашние дела как вторая работа

Фактически каждый взрослый человек занимается разными видами работы, важной для нашего комфорта, но абсолютно незаметного для экономики – домашним трудом. В этом его парадокс. Когда человек самостоятельно делает уборку в доме, готовит пищу или ухаживает за детьми, эта деятельность не оплачивается и не учитывается в экономике. Однако если те же задачи выполняются на платной основе сторонним работником, они становятся частью формальной экономики, учитываются в ВВП, а исполнитель получает за работу деньги и накапливает трудовой стаж.

При этом люди на постоянной основе тратят на домашний труд столько времени и сил, что часто его можно считать второй работой. Последние данные с такими показателями по Беларуси есть за 2014 год (весной этого года Белстат провел аналогичное исследование, однако его результаты еще не опубликованы). Из него следует, что в среднем у взрослого человека на ведение домашнего хозяйства в будний день уходило примерно 3,5 часа.

Домашний труд – это постоянное выполнение большого количества разных задач. Это серьезная дополнительная нагрузка. И то, что она никак не учтена только потому, что совершается для своей семьи – серьезный недостаток.

Стоимость труда в экономике

В Беларуси стоимость домашнего труда не оценивалась. Для такой оценки существуют два подхода. Один из них довольно простой и прямой – что, если бы вместо женщины эту же работу выполняли наемные люди? Представим себе женщину в декрете, которая занимается домом и ребенком. Оценить ее труд можно, взяв среднюю зарплату няни – причем на полную ставку, – стоимость еженедельных услуг клининга, прибавив услуги повара, который бы работал, например, раз в два-три дня готовил еду на всех. Если все это сложить, мы можем получить оценку стоимости этого труда, и она будет немаленькой.

Второй подход – это посмотреть на ситуацию как на потерю потенциала. Возьмем инженера, которая уходит в отпуск по уходу за ребенком на три года. Что бы она могла за это время заработать? Какая у нее была бы зарплата? Это альтернативная стоимость ее труда.

Оценки двумя этими способами проводили в странах ОЭСР. В зависимости от подхода, по данным на 2018 год, экономическая значимость домашнего неоплачиваемого труда оценивалась в 15% или 27% ВВП (в среднем по странам ОЭСР).

Домашние обязанности распределены неравномерно

Наряду с этим исследование показало, что в среднем мужчины тогда тратили на ведение домашнего хозяйства 2 часа, а женщины – 4,5. Тогда как первые из них больше времени уделяли формальной работе – 6 часов против примерно 4. Получается, пока мужчины тратят больше времени на оплачиваемую работу, получая за это зарплату, женщины больше занимаются неоплачиваемой и невидимой деятельностью.

Проблему неравного внимания и отношения общества к неоплачиваемому домашнему труду можно наглядно продемонстрировать на примере семьи с жестким разделением ролей: муж работает, а жена обеспечивает быт. В случае распада семьи мужчина сохраняет источник дохода, у него за все это время накопился опыт, стаж, пенсионные отчисления. А опыт домашней работы женщины нигде не ценится, дохода у нее нет, трудового стажа – тоже, как и социальной защищенности, потому что она не платила страховые отчисления.

Причем эта проблема актуальна не только для Беларуси, но и для других стран. Даже в государствах, которые больше продвинулись в достижении гендерного равенства, все равно есть этот разрыв по времени, которое тратится на домашнюю работу. В Швеции, например, он составляет примерно час. Но там он довольно быстро сокращается – и сейчас на некоторые виды домашней работы – например, уборку – мужчины Швеции тратят больше времени, чем женщины.

Там также активнее меняется культура на рабочих местах, потому что есть понимание важности баланса между работой и семейной жизнью не только для женщин, но и мужчин. И мужчины от такой перемены культуры тоже выигрывают, потому что в таком обществе на них нет давления и требований перерабатывать, уходит стереотип, что они – добытчики. В Швеции это видно по данным статистики о том, что они стали меньше часов проводить на работе и чуть больше, занимаясь домашними делами и воспитанием детей. При этом уровень счастья в этой стране достаточно высокий, как и ВВП.

Откуда пошло разделение ролей

Распределение ролей в семье сложилось исторически. Был довольно большой период, когда основным занятием человечества было сельское хозяйство. Землю возделывали для себя, никто зарплату за это не платил. Так как работа на ней требовала большой физической силы, сложилось естественное разделение обязанностей: женщины занимались домашними делами, а мужчины – работали на земле. Этому же способствовало такое физиологическое различие, как то, что только женщины способны выносить ребенка и выкормить его в первое время. Рожали тогда не одного-двух детей, а много. Такое естественное и

логичное разделение ролей на протяжении веков закреплялось в культуре, религии – и стало нормой в большинстве регионов мира.

С развитием промышленности и технологий, распространением сферы услуг разница в физической силе становилась не такой релевантной. Сейчас в плане производительности труда женщины ничем не отличаются от мужчин. Рождаемость, особенно в последние 100 лет, тоже стремительно снижалась – люди стали больше вкладывать в обеспечение детей, а не в их количество.

Получилось, что рациональные причины разделения труда довольно быстро исчезли (за исключением периодов вынашивание женщинами детей). Но культура меняется гораздо более медленно. В результате возник конфликт: культура все еще говорит, что есть некая традиционная модель семьи, где женщина – «хранительница очага» и занимается домом, а мужчина – «добытчик». Но на деле это сильно расходится с реальностью. И это особенно видно в Беларуси: по данным статистики на начало этого года, 84,4% женщин и 84,6% мужчин в трудоспособном возрасте работают.

Но так как культурные установки сохранились, на женщин легла двойная нагрузка: они должны ходить на работу, а потом еще заниматься большей частью домашнего труда. Это создает проблемы – высокая нагрузка создает дополнительный стресс и усиливает тревожность. Это также мешает женщинам полностью реализовать себя на рынке труда.

Кроме того, такой перегруз женщин домашним трудом ведет к тому, что женщин начинают рационально дискриминировать на рынке труда. Работодатель смотрит на кандидатку и понимает, что она, скорее всего, не сможет задерживаться на работе, потому что ей надо забирать детей из школы или сада; может не прийти, потому что ребенок болеет, или будет на работе думать, что ей приготовить на ужин. Но таких мыслей у него не возникает, когда перед ним кандидат-мужчина. Для работодателя проводить такие оценки рационально и логично, потому что он заинтересован в максимально эффективном сотруднике. Но общество в целом от этого теряет, потому что мы по сути силком запикиваем половину населения в менее квалифицированный труд.

Существует точка зрения, что раз женщины меньше времени уделяют профессиональной сфере, поэтому само собой разумеется, что на них лежит больше домашних дел. Но видение как раз отражает устоявшиеся установки, усиливающие замкнутый круг. Проблема в том, что как раз из-за большой нагрузки домашних обязанностей женщинам приходится приносить жертвы в карьере. Чаще всего именно женщина вынуждена сидеть дома с детьми, когда они болеют, как правило, она должна заботиться после работы о том, чтобы у семьи на столе был горячий ужин. Это и приводит к тому, что они в итоге оказываются менее

производительными в карьере. Поскольку на них лежит эта «вторая смена», они просто не могут увеличить первую – основную работу.

Важно понимать, что от перекосов в распределении домашнего труда страдают не только женщины. Речь не только о борьбе женщин за свои права. Мы, как социум, особенно в демографической ситуации старения и сокращения трудоспособного населения, просто не можем себе позволить половину общества просто списать на какие-то второстепенные, не такие важные для экономики виды занятости. Это означает потерянный потенциал.

Если у нас Минздрав официально признает, что женщина, например, не может быть хирургом, то это означает, что он просто отказывается от половины потенциальных специалистов. Белорусская экономика не может себе этого позволить – у нас уже не хватает кадров в медицине, и дальше дефицит, скорее всего, будет обостряться. То же самое касается любых других специалистов.

Как выйти из этого порочного круга?

Хорошие новости в том, что мы из него и так постепенно выходим. Все-таки происходят культурные изменения. Уровень занятости женщин и перечень сфер, где они могут работать – ситуация с этим в Беларуси лучше, чем в некоторых странах мира. К тому же происходят технологические сдвиги. Например, изобретение стиральной машины, микроволновки, посудомойки сильно улучшает жизнь и мужчин, и женщин, потому что снижает объем домашнего труда.

Чтобы продолжить движение в этом направлении, в первую очередь следует думать о том, как не поддерживать порочный круг и идею гендерного разделения труда, как оплачиваемого, так и неоплачиваемого. Хорошо бы думать и говорить на официальном уровне о женщинах и мужчинах как о равных членах общества, с равными способностями. Также важно позволить женщинам быть успешными на рынке труда, а мужчинам – в домашних делах.

Мы говорили о дискриминации женщин на рынке труда, но мужчины тоже страдают от неравного разделения ролей. Из-за этого есть и стигматизация мужчин в заботе о своем доме и семье, в том числе в отцовстве.

Важно, где это возможно, упростить совмещение родительских обязанностей с рынком труда (и для женщин, и для мужчин). Это включает такую политику, как предоставление отцовских отпусков, чтобы они тоже могли себя почувствовать вовлеченными в этот процесс. Здесь же стоит вопрос создания детских садов, которые бы помогли женщинам возвращаться на рынок труда чуть быстрее, чем через три года после рождения ребенка, если им этого хочется. Это первоочередные вещи. В Беларуси что-то в этом направлении делается, но процесс идет довольно медленно.

А судя по риторике функционеров о традиционных ролях, семейных ценностях и призывах больше рожать, есть риск, что он может еще больше замедлиться. Пока это не работает – все же есть рацио-

нальная реальность, которая нам говорит, что женщины в современной экономике столь же продуктивны, как мужчины. Поэтому культура должна постепенно под эту реальность подстроиться.